

УДК 821.111 "19/20"

**АНГЛОЯЗЫЧНАЯ БЕЛЛЕТРИЗОВАННАЯ БИОГРАФИЯ ПОСЛЕДНИХ
ДЕСЯТИЛЕТИЙ: МЕМУАРНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ДОКУМЕНТАЛЬНОСТЬ И ОБРАЗЫ СИБИРИ В «ИСТОРИИ ОЛЬГИ»
С. ВИЛЬЯМС**

© Ольга Наумова

**RECENT ENGLISH FICTIONALIZED BIOGRAPHIES:
MEMOIRS, DOCUMENTARY NARRATIVE STRUCTURE AND SIBERIAN
IMAGERY IN "OLGA'S STORY" BY STEPHANIE WILLIAMS**

Olga Naumova

The paper examines specific genre modifications of recent English fictionalized biographies. They present unique historical accounts of life in Russia before the Revolution and the Russians abroad. The historiographic metafictional biography is a multilayer palimpsest where all the intertextual components – authentic documents, family trees, acknowledgements, references, maps, photos, dedications and epigraphs - provoke creative interaction.

In "Olga's Story" by S. Williams the text combines objective documentary panoramic narrative and psychological lyricism. A considerable constituent of the book by S. Williams is his historic-economic digressions about East Siberia, including spatiotemporal descriptions of pre-revolutionary Transbaikalia, the tragic events of the Civil War and the first wave of emigration to China. The bibliography of the book is chronologically and thematically structured, systematizing hundreds of archival and museum sources, monographs on history, research on the philosophy of Panmongolism and specificity of Eurasianism. The modern writer aspires to interpret the history from outside and from within, from the past when the real characters of the biographic novel lived. The book is a combination of scenes from everyday life and Siberian folklore, authentic words, untranslatable historical realities and toponyms. The authorial irony detects the similarity with the atmosphere of the American Frontier, and describes the analogy in the cultural and historical ethnic development.

Historical and biographical temporal levels interpenetrate and assimilate the psychological time; the "reassignment narrator" shows a variety of creative memory mechanisms, ways of realizing the author's *Ego* and a variety of styles.

Keywords: English fictional biography, memoirs, confession, psychological lyricism, historiographic metafiction, S. Williams, "Olga's Story", Transbaikalian local colour.

Тема исследования предполагает анализ жанровой специфики, мемуарно-художественной документальности англоязычных беллетризованных биографий последних десятилетий, посвященных историческому прошлому России и представителям русского Зарубежья. Историографическая биография являет собой многослойный текст-палимпсест, где каждый компонент – аутентичные документы, фамильное древо, список источников, карты, фотографии, посвящения, эпитафии – вступают в художественно-историческую интеракцию. В «Истории Ольги» С. Вильямс судьбы поколений высвечиваются через судьбу индивидуальную, а стремление дать документированный обобщающий образ эпохи смыкается с процессом психологизации и лиризации прозы.

Значительная составляющая книги С. Вильямс – экскурс в историю и экономику Восточной Сибири, включающий пространственно-временные характеристики дореволюционного Забайкалья, трагические события Гражданской войны и первой волны эмиграции в Китай. Библиография книги структурирована хронологически и тематически, систематизированы сотни архивных и музейных источников, монографии по истории, исследования по философии панмонголизма и специфике евразийства. Современная писательница стремится к прочтению истории извне и изнутри, из прошлого времени, когда жили герои биографической книги. В книге С. Вильямс социально-бытовые зарисовки сочетаются с сибирской экзотикой, включается местный фольклор, аутентичные слова, исторические непередаваемые реалии, топонимы. Авторская ирония улавливает сходство с атмосферой американского фронта, передает аналогии в культурно-историческом этническом пограничье.

Анализ показывает, что в «Истории Ольги» время историческое и биографическое диффузно, оно ассимилирует время психологическое, время «перепорученного повествователя» и «воспоминаний третьего порядка». Автор демонстрирует разнообразные механизмы творческой памяти, способы воплощения авторского «я», стилевое разнообразие.

Ключевые слова: Англоязычная беллетризованная биография, мемуары, исповедальность, психологизация и лиризация прозы, историографическая металитература, Стефани Вильямс, «История Ольги», Забайкалье, местный колорит.

Заметным художественным явлением английской литературы последних десятилетий стали мемуарно-исповедальные беллетризованные биографии, посвященные историческому прошлому России, апологии русскости и философии истории русского Зарубежья.

В мутных волнах псевдоисторических художественных мелодрам о «воскресших великих князьях» и трепетных графинях, преследуемых кровавыми бородачами большевиками на просторах Сибири, отыскиваем порой подлинные жемчужины. На фоне бесчисленных псевдобюграфий, исторических ретродетективов и пр., захлестнувших западный книжный рынок, выделяется ряд значительных имен и названий: Sofka Zinovieff «Red Princess» (2007), Edith Sollohub «Russian Countess. Escaping Revolutionary Russia» (2009). Более ранние примеры – Tatiana Metternich «Tatiana. Full Circle in a Shifting Europe», Ирина Голицына «Из России в Россию» (1996), изначально опубликованная на итальянском языке, затем переведенная на английский; дилогия Евгении Фрезерс «Дом над Двиной» («The House by the Dvina. A Russian Childhood», 1984) и «The Dvina Remains» (1996) с подзаголовком «A Family Memoir», а также Stephanie Williams «Olga's Story» (2005) – об этом произведении речь пойдет ниже. Перечисленные книги стали бестселлерами на Западе, но, за редким исключением, не переведены на русский язык, однако созвучны очередному всплеску интереса к прошлому России, к судьбам русских за ее пределами. Чем же обусловлена тяга к «задушевному рассказам от первого лица», как было принято говорить в XIX веке?

По-видимому, рубеж веков – XX и XXI столетий – возбуждает потребность в диалоге с другим рубежом – XIX–XX вв., угадывается переключка культур, менталитетов, традиций, а это и есть имманентная составляющая пластов исповедальной прозы об уходящей, ушедшей России, тех «вспоминательных книг», что находим в классическом наследии писателей первой волны эмиграции – в творчестве Бунина, Куприна, Набокова, Шмелева, Газданова, Зайцева, Осоргина, многих других, в более поздних образцах мемуарно-романной литературы, в разнообразных записках о прошлом.

При всем принципиальном несхождении культурно-исторической значимости и стилистического наполнения шедевров литературы первых волн русской эмиграции и новейшей мемуарно-биографической прозы, мы вместе с тем обнаружим влияние определенной традиции, устойчивый набор жанровых, структурных, эстетических доминант. «Память жанра» диктует свои законы, определяет специфику мемуарно-художественной «документальности», механизмы творческой памяти, способы воплощения авторского «я», стилевое разнообразие художественно-биографического жанра.

Как терминологически точно обозначить жанровые образования, являющие нечто смежное с литературным портретом и мемуарным очерком? Это не собственно документальная проза, не автобиография, написанная о себе, но биография, написанная неким другим из другого времени – в согласии с набоковской «трехсложной формулой человеческой жизни: невозвратность прошлого, ненасытность настоящего и непредсказуемость будущего».

Англоязычная жанровая терминология разнообразна: *family history*, *travelogue*, *historiographic metafiction*¹, также *creative non-fiction* и даже *non-fiction fiction*. Наиболее точным терминологическим эквивалентом представляется «беллетризованная биография» (см.: [Жуков], [Померанцева], [Рожкова], [Загородная], [Громова]).

От исторического, историко-биографического, тем более политического романа такие книги отличает опора на конкретные аутентичные документы, их дословное цитирование, на реального человека, а не на романического героя. В них подкупает не только интерес к прошлому, увиденному сквозь призму частной судьбы, семейной истории и семейных тайн, но и тот элемент интимности, что необязателен и подчас неуместен в историческом повествовании. Это – вспомним пушкинское – «история, рассказанная домашним образом». Здесь судьбы поколения высвечиваются через отдельную личность, через

¹ Термин, относимый к постмодернистской литературе, предложенный Л. Хатчеон (см.: [Hutcheon, 1990], [Hutcheon, L. *Historiographic Metafiction. Parody and the Intertextuality of History*]).

судьбу индивидуальную, а стремление дать обобщающий образ эпохи смыкается с процессом лиризации прозы. В этом видится принципиальное отличие от дневника: дневник пишут для себя, автобиографию – о себе, беллетризованную биографию – о себе, для себя и для всех.

Точкой отсчета в русской традиции беллетризованной биографии могут стать сочинения, подобные «Рассказам бабушки» Д. Благово 1885 г. (Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком), возникших из устных рассказов, семейного фольклора [Благово]. Традиция поддерживается вплоть до новейших образцов жанра, подобных «Two Babushkas» (2004) М. Гессен [Hessen].

Беллетризованная биография – средоточие «воспоминаний о воспоминаниях», явленных из изустных «рассказов бабушки» и емкой памяти юного внимательного слушателя, будущего автора книги. Благо, если такой благодарный слушатель успеет, захочет запомнить и сумеет записать, научится сопереживать ушедшему былому. Отсюда и ощущение свежести, сиюминутности впечатления – воспоминание живо, покуда жива память. Это не реанимация затхлых картинок отмершего, обветшавшего, но «диалог через поколение», растягивающийся на годы и десятилетия.

Такой диалог с прошлым, с жизнью своей бабушки, пережившей две революции, гражданскую и две мировые войны, вела на протяжении пятидесяти лет Стефани Вильямс, будущая создательница «Истории Ольги». В Прологе она написала, что сюжет складывался из наплывов памяти, отдельных ярких картин, случайных фраз и т. д.: «*The story weaves in and out of my memory in drifts, a sentence here, a picture there*» [Williams, с. 8].

Помимо рассказов о дореволюционном детстве и полной опасности юности бесстрашной красавицы из Сибири, искру интереса могли заронить старые альбомы с фотографиями, шкапулка с памятными вещицами, милые пустяки, подобные «особому рецепту борща», который, никто, разумеется, не умеет готовить «в этом Оксфорде». Жгучий необъяснимый интерес вызвала семейная реликвия – позолоченная иконка-складень, подаренная старшему брату героини, герою Первой мировой войны, самой императрицей в госпитале Царского Села. Этот семейный артефакт почитался оберегом, был сохранен героиней, пронесен через все границы эмиграций и три континента и торжественно вручен внучке в день совершеннолетия.

Интерес Стефани к России, к СССР подогревался в юности событиями вьетнамской войны, студенческими волнениями 1960-х гг., проком-

мунистическими настроениями, которые бабушка отнюдь не приветствовала. Но, по признанию писательницы, до конца жизни будущая героиня ее книги подсказывала и интриговала, вела по лабиринтам памяти, словно «благосклонно передавала эстафету судьбы».

Героиня «Истории Ольги» Ольга Юнтер, ровесница века, родилась в 1900 г. в семье торговко-купеческой элиты в Юго-Восточной Сибири, в небольшом городке Кяхта, «чайной столице» Российской империи. Маршруты ее жизни пролегали через монгольское приграничье времен Гражданской войны, Владивосток, Харбин, колонии русских экспатриантов в Нанкине, японскую оккупацию и режим Чанкайши. Последовало бегство в Северную и Южную Америку и последние спокойные десятилетия жизни в Оксфорде.

Биограф, наша современница, дабы восполнить пробелы, разобраться в противоречиях, разгадать фигуры умолчания, на годы погружается в сбор фактического материала, писем, газет, воспоминаний еще живых свидетелей былого, опубликованных и рукописных мемуаров, официальных документов из музейных и государственных архивов, занимается изучением русского языка. С. Вильямс, работая в стилистике нового журнализма, имеет солидный опыт в области сбора и обработки документов. В ходе работы над книгой ей удалось наладить сотрудничество с девятью российскими архивами и многочисленными зарубежными. Не случайно волна публикаций подобных сочинений приходится на послеперестроечное время – открылись архивы, появилась территориальная доступность, возможность посетить, например, Владивосток, регионы, граничащие с Монголией. С подключением Интернета информационный бум становился подобен снежному кому: отыскивались если не ровесники далеких событий, то их потомки, узнававшие своих предков на старых фотографиях, и всякий приносил крупицу знания. Из осколков воспоминаний собиралась многоцветная мозаичная картина ушедшего.

Об этом свидетельствуют и *Acknowledgements* – неперенный мини-жанр, содержащий список разноязычных участников биографического поиска из разных стран. Подобный инвентарий порой игнорируется в переводных изданиях, а между тем он отражает размах и маршруты поисков, дает фоновые знания и читателю, и переводчику. В книге С. Вильямс маститые профессора западных университетов, ведущие специалисты по истории России с мировыми именами соседствуют со скромными сотрудницами заштатных районных библиотек в сибирских городках. По-

добный раздел – своеобразный мини-роман «большой дороги» с поразительными совпадениями, «неслучайными случайностями», возникающими неумолимо, когда начинают ворошить прошлое.

Непременная составляющая беллетризованной биографии – «Список источников» («A Note on Sources»). Библиография в книге С. Вильямс не причудливая подборка полезных, дорогих и любимых книг, она более обширна, нежели в аналогичных изданиях, и структурирована хронологически и тематически, включает материалы, посвященные семье Юнтер, Сибири 1860–1914 гг., периоду Первой мировой войны и революциям 1917 г., Гражданской войне в Сибири, Монголии, Тяньцзиню, Шанхаю 1927–1948 гг., канадскому периоду. Систематизированы сотни архивных и музейных источников, монографии по истории, историографии, философские и социологические исследования. Очевидно, что автор основательно интересуется философией панмонголизма, спецификой евразийства.

Значительная составляющая книги Винтерс – экскурс в историю и экономику Сибири, включающий географические и пространственно-временные характеристики, историю освоения, комментарии по поводу того, почему не было помещичьих хозяйств и крепостного права, откуда такое количество купцов-благотворителей, особенности золотопромышленности, товарооборот пушнины, экскурс в историю торговли чаем, маршруты поездки Чехова на Сахалин, путешествие цесаревича Николая Александровича. Создательница «Истории Ольги» стремилась к прочтению истории извне и изнутри, из прошлого времени, когда жили герои биографической книги.

Энтузиазм создателя историко-биографического повествования сродни азарту добровольного инвестигейтора, что раскрывает тайны прошлого и не в силах остановиться – обязывает груз уже накопленной информации, а может быть, внутренний долг, зов крови, искушение прожить чужую жизнь как свою? Впрочем, и не совсем чужую. Повествовательница истово служит этой книге памяти и не случайно посвящает книгу своей, как оказалось, многочисленной семье: «*For my family – in England, America, Canada and Russia*».

Непременный атрибут жанра – фамильное древо, совершенно необходимое англоязычному читателю, ему легко запутаться в русских именах. Отечественный читатель также охватывает мысленно огромный временной срез, отмечает значимые временные обрывы – 1919 г., 1942 г. Ветви фамильного древа словно предрекают ис-

торические и семейные катастрофы. После революции старший брат-офицер будет распевать «Боже, Царя храни», младший, кадет, – «Марсельезу», и оба будут расстреляны в 1919 г. А вчерашняя гимназистка Ольга станет отважной связной, чудом избежит ареста. Ее бегство во Владивосток, а затем в Китай спасет оставшуюся семью от расстрела. Героиня книги будет всю жизнь испытывать страх преследования даже в эмигрантской среде и будет убеждена, что куда страшнее и колчаковцев, и красных были семеновцы и белочехи. А ее выжившие родственники-иркутяне будут до последнего времени обескуражены телефонными звонками «оттуда».

Приложенные к тексту карты рисуют не только географию, но и биографию героини, века и всей Восточной Сибири. Карты воспроизводят маршруты передвижения малоимущих предков Юнтер из прибалтийских баронов на восток к вершинам экономического процветания в Забайкалье, отражают зловещую динамику событий времен Гражданской войны. На карте столичные европейские города и крупные сибирские центры соседствуют с микроскопической Кяхтой и мало кому ведомым приграничным Май-май-ченом, где рисковала жизнью юная разведчица Ольга.

С. Винтерс живописует в своей книге Кяхту, богатый европеизированный городок об одну улицу на фоне юрт, верблюдов и Саянских хребтов. Это был единственный в мире город миллионеров, прозванный в XIX веке «Песчаной Венецией», или «Забалуй-городком», купеческий рай с особняками в стиле модерн, роскошью интерьеров, мебелью из Европы, парижскими модами. Сюда приглашались дорогие учителя и лучшие европейские архитекторы, детей отправляли учиться в университеты Петербурга, Германии и Швейцарии.

Но удел этих оазисов процветания оказался печален, они приходили в упадок с утратой значения чайного пути через Кяхту и Троицкосавск после открытия КВЖД. Купеческая элита покидала места обетованные, а после революции последовал массовый исход, подробно описанный в книге с опорой на достоверные источники.

У издателя и переводчика может возникнуть искушение лапидарно уплотнить пространственные историографические эскапады. Однако для западного читателя исторический контекст отнюдь небезынтересен. Отечественному читателю они также не покажутся излишними, тривиальными. Ведь не секрет, что мы знаем значительно больше об эмиграции парижской, берлинской, пражской, южноевропейской, нежели юго-восточной сибирской с вектором на Харбин и Шанхай – а это десятки тысяч выходцев из России, пере-

живших впоследствии и японскую интервенцию, и мясорубку Второй мировой войны.

Воссоздавая атмосферу дореволюционных лет в Забайкалье, автор мастерски сочетает социально-бытовые зарисовки с сибирской экзотикой, включает сибирские сказания: легенды о красавице Ангаре и Шаман-камне, под ним – вход в Царство Справедливости. Байкал – не озеро, а «*the Sacred Sea*» («Славное море – Священный Байкал»). Текст изобилует аутентичными словами, историческими непереводаемыми реалиями, топонимами: *Irtysk, Yenisey, Listvyanka, Ob, Nerchinsk, Petrovskiy Rudnik, katorga, trakt, versts, brodyagi, taiga, drozhki, tarantass, Tzarevich Nikolai, meshanin, realnoye school, semeiskie* (староверы), *caravanserai*. Воссоздается пестрая культурно-историческая среда, где поселения казаков соседствовали с бурятскими айлами (группами юрт), потомки декабристов и ссыльных поляков уживались со вчерашними каторжниками.

Автор тонко, не без иронии улавливает сходство с атмосферой американского фронта, угадывает аналогии в культурно-историческом этническом пограничье. Суровые реалии подчас осознанно перемежаются стереотипными картинками из детских книг повествовательницы: большевики и беляки бешено скачут навстречу друг другу по сибирским степям, как ковбои и индейцы в вестернах.

Возникает проблема – а сколько здесь перепорученных повествователей? Чей повествовательный голос доминирует, чья повествовательная интонация проникает слои текста-палимпсеста? Языки цитируемых и пересказываемых письменных источников не всегда очевидны. Рожденная русской, героиня с гимназических времен свободно владела французским и английским, но на каком языке думала эта женщина, вспоминала, делала записи на протяжении 50 лет, на каком рассказывала внучке? Как определить аутентичность источника?

С одной стороны, повествование подчинено логике факта. Документальные источники «дисциплинируют» сюжет, помогают воссоздать, например, атмосферу послереволюционного смятения, смены власти, тревожных предчувствий и отсутствия достоверных сведений из центра. Стремительный ритм времени, непредсказуемость событий, ощущение хаоса передается посредством введения значительного числа документов, противоречивых по сути, порожденных самим смутным временем: многочисленных листовок, воззваний, прокламаций, транспарантов и газетных лозунгов, фрагментов местных декретов об отмене частной собственности «в отдельно взятом населенном пункте», о реквизициях, о

расстреле граждан на месте за спекуляции и т. п. Документы переведены на английский язык, «дышат» грозным временем. Сама тема времени задана в эпиграфе из «Нашедшего подкову» (1923) О. Мандельштама: монеты лежат в земле, «*Век, пробуя их перегрызть, оттиснул на них свои зубы, // Время срезает меня, как монету, // И мне уж не хватает меня самого*» [Мандельштам, с. 84]; («*The age has tried to chew them and left on earth // the clench of its teeth. // Time clips me like a coin, // And there isn't enough of me left for myself*») [Williams, с. XXVII].

В беллетризованной биографии время историческое и биографическое диффузно, оно ассимилирует время психологическое, время «воспоминаний третьего порядка», скажем, о том, что происходило не на памяти повествователя и даже не самой героини. Например, о том, как умерла от дифтерита маленькая сестра Ольги накануне ее рождения, и в деревушке Елань подняли над домом черный флаг, а мать невзлюбила младенца, не лелеяла новорожденную. «Воспоминания о воспоминании» отражают наплывы памяти, фиксируют микрособытия, звуки, запахи, тактильные ощущения. Как передать сибирский мороз? – это когда не просто страшно холодно: «нос мерзнет изнутри». Чем пахнет в доме зимой? – мокрой овчиной и в людской, и в господской половине, а во дворе непрестанно идет разгрузка целых караванов с товарами и пахнет лошаадьми и верблюдами.

Домашний уют теплится не в парадных покоях, а в кухне, где, скрипя спицами («*the needles clicking with astonishing speed*»), суверная нянька *Filipovna* нашептывает жуткие сказки, горит *lampada*, светится *bozhnitsa*, звучит протяжно песня «*Akh moi Bozhinka!*» Дворовый *Grisha* затягивает песню о *Yermak*, а дворовый *Petya* наигрывает на дудочке, дрессированная утка *Dushka* пляшет под веселые звуки, а малые дети косолапо повторяют движения утки. Эти сцены «увидены» и «услышаны» повествователем из другого времени, опозитизированы, отмечены особой эмоционально-смысловой тональностью. «Рассказы бабушки», подобные «Истории Ольги» С. Вильямс, предполагают и откровение, и некую временную отстраненность. Временные пробелы, домыслы и домысливания позднейших времен не стирают ощущение достоверности, не нарушают аутентичность социально-исторического плана. Причина притягательности подобных сочинений – соединение фактажности и исповедальности. Беллетризованная биография – единое коммуникативное целое, где каждый компонент – своеобразный интертекст, вступающий в интеракцию. Это – по определению и по существу – «литера-

тура во второй степени» [Женетт]. Ее отличает высокая художественность вымысла, проверенного документом, рассказывание истории сквозь «музыку памяти».

Список литературы

Благово Дмитрий. Рассказы бабушки. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1989. 492 с.

Громова А. В. Жанр беллетризованной биографии в литературе русского зарубежья (произведения Б. К. Зайцева). URL: http://otherreferats.allbest.ru/literature/00282426_0.html (дата обращения: 10.04.2016).

Женетт Ж. Палимпсесты: литература во второй степени. М.: Наука, 1989. 130 с.

Жуков Д. Биография биографий. Размышление о жанре. М.: Сов. Россия, 1980. 135 с.

Завгородная Н. И. Образ художника в беллетризованных биографиях Б. К. Зайцева «Жизнь Тургенева», «Жуковский», «Чехов»: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1996. 181 с.

Мандельштам О. Выпрямительный вздох. Ижевск: Удмуртия, 1990. 528 с.

Померанцева Г. Е. Биография в потоке времени. ЖЗЛ: замыслы и воплощения серии. М.: Книга, 1986. 336 с.

Рожкова Т. Н. Историко-биографический роман в русской литературе 20-30-х годов XX века: дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 1994. 184 с.

Hessen M. *Two Babushkas*. Lnd.: Bloomsbury Publ., 2005. 352 p.

Hutcheon L. *Historiographic Metafiction. Parody and the Intertextuality of History*. URL: <http://tspace.library.utoronto.ca/bitstream/1807/10252/1/TSpace0167.pdf>. (дата обращения: 03.04.2016).

Hutcheon L. *A Poetics of Postmodernism: History, Theory, Fiction*. N.Y. and Lnd.: Routledge, 1990. 324 p.

Williams S. *Olga's Story*. Lnd.: Penguin Books, 2005. 412 p.

References

Blagovo, D. (1989). *Rasskazy babushki* [Grandma's Stories]. 492 p. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie. (In Russian)

Gromova, A. V. *Zhanr belletrizovannoi biografii v literature russkogo zarubezh'ia (proizvedeniia B. K. Zaitseva)* [The Genre of Fictionalized Biography in Russian Emigre Literature (based on B. K. Zaitsev's works)]. URL: http://otherreferats.allbest.ru/literature/00282426_0.html (accessed: 10.04.2016). (In Russian)

Hessen, M. (2005). *Two Babushkas*. 352 p. London: Bloomsbury Publ. (In English)

Hutcheon, L. A. (1990). *Poetics of Postmodernism: History, Theory, Fiction*. 324 p. New York and London: Routledge. (In English)

Hutcheon, L. *Historiographic Metafiction. Parody and the Intertextuality of History*. URL: <http://tspace.library.utoronto.ca/bitstream/1807/10252/1/TSpace0167.pdf>. (accessed: 03.04.2016). (In English)

Mandel'shtam, O. (1990). *Vypriamitel'nyi vzdokh* [A Rectifying Sigh]. 528 p. Izhevsk: Udmurtiia. (In Russian)

Pomerantseva, G. E. (1986). *Biografiia v potoke vremeni. ZhZL: zamysly i voploshcheniia serii* [Biography in the Stream of Time. Lives of Outstanding People: Ideas and Implementations of the Series]. 336 p. Moscow: Kniga. (In Russian)

Rozhkova, T. N. (1994). *Istoriko-biograficheskii roman v russkoi literature 20-30-kh godov XX veka: dis. ... kand. filol. nauk* [The Historical and Biographical Novel in Russian literature of the 1920s-1930s: Ph.D. Thesis Abstract]. 184 p. Vologda. (In Russian)

Williams, S. (2005). *Olga's Story*. 412 p. London: Penguin Books. (In English)

Zavgorodnaia, N. I. (1996). *Obraz khudozhnika v belletrizovannykh biografiakh B. K. Zaitseva «Zhizn' Turgeneva», «Zhukovskii», «Chekhov»: diss. ... kand. filol. nauk* [The Image of the Artist in Fictionalized Biographies of B. K. Zaitsev: "Turgenev's Life", "Zhukovsky", "Chekhov": Ph.D. Thesis Abstract]. 181 p. Barnaul. (In Russian)

Zhenett, Zh. (1989). *Palimpsesty: literatura vo vtoroi stepeni* [Palimpsests: Literature in the Second Degree]. 130 p. Moscow: Nauka. (In Russian)

Zhukov, D. (1980). *Biografiia biografii. Razмышlenie o zhanre* [The Biography of Biographies. Thinking about the Genre]. 135 p. Moscow: Sov. Rossiia. (In Russian)

The article was submitted on 06.07.2016
Поступила в редакцию 06.07.2016

Наумова Ольга Анатольевна,
кандидат филологических наук,
доцент, профессор,
Нижегородский государственный
лингвистический университет
имени Н. А. Добролюбова,
603155, Россия, Нижний Новгород,
Минина, 31а.
trishano@mail.ru

Naumova Olga Anatolievna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor, Professor,
Nizhny Novgorod State
Linguistic University
named after N.A. Dobrolyubov,
31a Minin Str.,
Nizhny Novgorod, 603155, Russian Federation.
trishano@mail.ru